

## **КРЫМСКАЯ ВОЙНА И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ**

*Предмет данной статьи – воздействие Крымской войны на развитие русской философии истории. Исследование этой проблемы предпринято как конкретно-историческое исследование того, как военная ситуация стимулировала значительные изменения в философии истории так называемых славянофилов, взгляды которых получили широкое распространение в духовной атмосфере России середины XIX в. Этот период ознаменовался многочисленными переменами как в мировой политике, так и в системе национальных идеалов, которые всегда были тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Главная цель статьи заключается в том, чтобы проследить историческую эволюцию наиболее влиятельных славянофильских идей в области философии истории. Внимание уделяется в первую очередь сочинениям основоположников славянофильства – А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. и И. С. Аксаковых. Результаты предпринятого исследования могут служить хорошей иллюстрацией к выводу русского мыслителя Н. А. Бердяева о том, что в кризисные моменты истории резко возрастает интерес к философии истории.*

Каждая из крупных войн, которые вынуждена была вести историческая Россия в последнее столетие своего существования, становилась этапом в разрешении проблемы «Россия и Запад» в сфере реальной политики, над которой в сфере духовной билась русская философия истории. Каждая из этих войн сопровождалась подъемом национального самосознания и давала новый импульс к осмыслению места России в мировой истории, во многом определяя характер, содержание и направление развития русской общественной мысли на очередном этапе ее становления. Первоначальный импульс к формированию национальной традиции в области философии истории дала Отечественная война 1812 года. Следующей важнейшей вехой в процессе ее развития стала Крымская война. В промежутке между этими войнами, которые

Ф. И. Тютчев охарактеризовал как «Пунические войны» Запада против России<sup>1</sup>, серьезное влияние на формирование самобытной русской философии истории оказали такие события, как выступление декабристов, Июльская революция во Франции и тесно связанное с ней польское восстание 1830–1831 годов, и особенно общеевропейская революция 1848–1849 годов.

Последовавшее вскоре после нее военное столкновение с Западом оставило в русской философии истории самый заметный след из всех событий XIX столетия. Крымская война сказалась прежде всего на становлении философии истории славянофилов, создавших, по определению Н. А. Бердяева, «первую самостоятельную у нас идеологию», которая представляла собой самое «большое явление в истории нашего самосознания»<sup>2</sup>.

---

А поскольку «философия славянофильства зарождалась... прежде всего как философия истории», — подчеркивал другой русский философ, — то «наибольшую энергию и самостоятельность оно проявило как раз в разрешении этих проблем»<sup>3</sup>. Обращение к философско-историческому наследию славянофилов имеет особое значение, поскольку, наряду с немногими представителями других идейных направлений, они составляли духовную элиту России своего времени.

В этот переломный для России момент история «вторгалась во всю систему славянофильских взглядов и настроений, и прежде всего сознанием того, что в этой войне противостояли два мира: Запад и Россия»<sup>4</sup>. Такой подход был характерен, прежде всего, для А. С. Хомякова, который внес наибольший вклад в разработку славянофильской философии истории. В его философском наследию, подчеркивал Бердяев, «больше всего места отведено философии истории». Именно она «наиболее разработанная часть философии Хомякова и всего мировоззрения славянофилов». Его философия истории, продолжал Бердяев, остается «памятником нашей национальной мысли. Проблема Востока и Запада — вот центральный интерес всего славянофильского мышления; вокруг этой проблемы создавалась славянофильская философия истории»<sup>5</sup>.

В своих «Записках о всемирной истории», работа над которыми приостановилась незадолго до начала Крымской войны, Хомяков дал любопытные философские характеристики будущих противников России на поле брани. «Англия, — писал он в частности, — закована в цепях прошедшего и в сухо ученой односторонности, которая убивает в ней способность сочувствовать остальному миру и понимать чужую жизнь. Великая царица морей в своем вещественном величии и в своей нелюдимой гордости отвергает всякое иноземное ученье и презирает всякую отвлеченность, убивая в себе даже сочувствие к целой области мысли челове-

ской». Рядом с ней — «Франция, веселая, остроумная, щеголеватая, вечно самодовольная в своей ученой посредственности и художественном ничтожестве», которая «требует еще долгих и великих уроков смирения, прежде чем в ней воссоздастся чувство человеческое, способное понимать человеческую истину и сочувствовать ей»<sup>6</sup>.

По убеждению Хомякова, обнародованному им в год начала войны с западными державами, «Рим искажил начало духовное; Германия искажила начало общинное. К счастью, соблазны Запада не проникли в Россию», поэтому, полагал он, «славянский мир хранит для человечества если не зародыш, то возможность обновления»<sup>7</sup>. Это убеждение становится центральным постулатом философии истории Хомякова, через призму которого он рассматривал так называемый Восточный вопрос и вызванную им Крымскую войну. В связи с началом войны, писал один из первых биографов Хомякова, «Восточный вопрос, в его сознании, вырастает до огромных размеров и становится, в известном смысле, мировым вопросом; это не просто столкновение европейских держав из-за границ и политического влияния и равновесия: это столкновение двух отдельных миров, двух самобытных культур». Восточный вопрос у Хомякова «переходит в общеевропейский вопрос и, в конце концов, получает широкое культурно-историческое значение»<sup>8</sup>.

Накануне вступления в войну западных держав Хомяков предпринял попытку опубликовать в Англии свое обращение к западноевропейской публике, стремясь разъяснить сущность «вопроса, как он представляется нам, с нашей точки зрения», и прояснить для нее, что «совершается молчаливо в общественном мнении страны, против которой вооружаются все остальные». «Наступивший год прорежет глубокие следы в истории, — предупреждал он. — Силы всех наций выдвигаются вперед и меряют взорами

друг друга. Борьба ужасная готовится вспыхнуть»<sup>9</sup>. Основную вину русский мыслитель возлагал на Англию, которая «добивается, как кажется, первенства в бесчестии»<sup>10</sup>. Для России же, полагал тогда Хомяков, грядущая война станет священной. При этом она должна быть благодарна «западным державам», поскольку «они, сами того не зная, двигают Россию на путь новый, стать на который она так давно, так тщетно была призываема»<sup>11</sup>. В конечном же итоге человечество рассудит «историческое мошенничество». И что бы ни случилось, заключал Хомяков, очевидно, что Провидение «отметило наше время как время событий и переворотов в судьбах мира»<sup>12</sup>.

Та же мысль о всемирно-историческом значении переживаемого момента развивалась им во второй брошюре из серии «Несколько слов православного христианина», опубликованной в 1855 году в Лейпциге. Потерпев неудачу в Англии, русский мыслитель обратился к Германии, которая «по справедливости славится гостеприимством, ею оказываемым человеческой мысли, из какой бы страны она ни шла». «Направляемая непобедимой десницею Божию, каждая эпоха в истории человечества приносит с собою важные поучения», — писал здесь Хомяков. «И нашему веку, как векам предшествовавшим, Провидение не отказывает в своих высших наставлениях; а уразумение их облегчается тем, что, благодаря международным сношениям более частым и гласности менее стесненной, слово человеческое идет об руку с историческим делом и, частью обдуманно, частью невольными признаниями, немедленно обнаруживает вызвавшие его побуждения. Достопамятный этому пример у нас на глазах». И каковы бы ни были «политические основания и предлоги к борьбе, потрясающей теперь Европу, — продолжал он, — нельзя не заметить..., что на одной из воюющих сторон стоят исключительно народы, принадлежащие православию, а на другой римляне и про-

тестанты, обступившие исламу»<sup>13</sup>. Истоки противостояния, таким образом, обнаруживались им в церковном расколе. Давно уже «решив догматический вопрос без содействия своих восточных братьев, — писал Хомяков далее, — Запад... совершил над ними *нравственное братоубийство*. По неизбежной последовательности наследники этого преступления должны прийти к *братоубийству вещественному*». Это объяснялось тем, что «в западных исповеданиях у всякого на дне души лежит глубокая неприязнь к восточной Церкви. Таково свидетельство истории». А «история Церкви, та умственная и нравственная закваска, которой Запад одолжен всем, что есть у него великого и славного, перестала быть понятою для раскола с той поры, как он отринул ее основание». «Она при нас, — утверждал русский мыслитель, — и при нас одних — эта история, строгая, как наука в логическом своем развитии, исполненная поэзии, как гимны первых веков, существенно отличная от всех других бытоописаний человеческих и бесконечно возвышающаяся над всеми их материальными и политическими тревожностями». Он был убежден, что, несмотря на «кровопролитные войны и на кажущееся преобладание материальных интересов, наш век есть время мысли, и по этой самой причине ему суждено иметь на будущность человечества влияние сильное»<sup>14</sup>.

Крымская война получила яркое отражение в славянофильской поэзии, в которой, по справедливому замечанию ее исследователей, произведения этого периода заметно выделяются на фоне остального их поэтического наследия<sup>15</sup>. Эти произведения наполнены глубочайшим философско-историческим смыслом, наглядным подтверждением чего могут служить стихотворения Хомякова военной поры. «Безумной борьбою весь мир потрясен» — так охарактеризовал начинающееся столкновение русский поэт-мыслитель в стихотворении «Суд Божий» (март 1854 года). А далее следовал при-

зыв к Всевышнему: «Твой суд совершится в огне и крови / Свершат его слепо народы... / О Боже, прости их и всех призови! / Исполни их веры и братской любви, / Согрей их дыханьем свободы!» В следующем, наиболее известном военном стихотворении Хомякова — «России» — содержалось уже предупреждение собственной стране, которую он отнюдь не идеализировал: «Но помни: быть орудьем Бога / Земным созданиям тяжело. / Своих рабов он судит строго, / А на тебя, увы! Как много / Грехов ужасных налегло! // В судах черна неправдой черной / И игом рабства клеймлена; / Безбожной мести, лжи тлетворной, / И лени мертвой и позорной, / И всякой мерзости полна!» Отвечая на протесты, вызванные этими горькими строками, Хомяков обращался к «Раскаявшейся России» с призывом: «Иди! Тебя зовут народы. / И, совершив свой бранный пир, / Даруй им дар святой свободы, / Дай мысли жизнь, дай жизни мир!»<sup>16</sup>.

Военная тема нашла свое место и в переписке Хомякова. «А время великое, — писал он в 1854 году. — Может быть Тильзит, но Тильзит предшествовал двенадцатому году. И так будет опять, ибо мы мыслию выше». «Одно страшно, — добавлял он: — пять лет, увы! еще не кончившегося самовосхваления, противного Богу и чуждого народному духу»<sup>17</sup>. Хомяков имел в виду ту волну эйфории, которая захлестнула Россию после европейской революции 1848–1849 годов. Ее итоги, как представлялось тогда многим, свидетельствовали о глубоком кризисе Запада, с одной стороны, и несокрушимой мощи России, с другой. Ведущий идеолог славянофильства не разделял эти восторги, а подтверждением его правоты и стала Крымская война. Хомяков достаточно рано сумел предугадать ее печальный для России исход, поэтому уже летом 1854 года писал К. С. Аксакову: «Желайте одного — мира какого бы то ни было. Лучше срам без кровопролития и разоре-

ния, чем больший еще срам с разорением и кровопролитием, а это неизбежно»<sup>18</sup>.

Как подчеркивал Бердяев, у Хомякова было «особенное отношение к Крымской кампании». Даже предчувствуя поражение России, он видел в нем не только заслуженное ею «наказанье за грехи», но и «надежду на возрождение родины»<sup>19</sup>. Эти настроения со всей очевидностью проявились в произведениях, написанных по итогам войны. Основные надежды русский мыслитель возлагал на духовное возрождение родины, которое позволило бы России занять достойное ее место на арене всемирной истории. На завершающем этапе Крымской войны, после воцарения Александра II, славянофилы вновь обрели трибуну для пропаганды своих взглядов, которой они были лишены еще до ее начала.

В носящем программный характер «Предисловии» к журналу «Русская беседа», который славянофилы получили возможность издавать в 1856 году, Хомяков писал: «мысль, ознакомившаяся с просвещением, избавляется от суеверного поклонения чужому авторитету по мере того, как получает большее уважение к своей собственной деятельности». «Дальнейшее самоуничижение перед мыслию иноземною, — продолжал он, — делается уже невозможным для всего народа и смешным в тех лицах, которые еще не хотят или не могут понять требований современных». Именно теперь, писал Хомяков, «когда самый ход истории, раскрывающей тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь Западного мира и когда наше сознание оценило ...силу и красоту наших исконных начал, нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные западною наукою, которым мы верили так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать ему несокрушимую прочность». «В то же время, — добавлял он, — на нас лежит

---

обязанность разумно усваивать себе всякий новый плод мысли западной, еще столько богатой и достойной изучения, дабы не оказаться отсталыми в то время, когда богатство наших данных возлагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещающегося человечества»<sup>20</sup>.

В другой статье послевоенного периода русский мыслитель отмечал: «Наше время представляет странное явление в словесности. Всякий частный вопрос обращается в общий»; за каждым «частным случаем хотим мы отыскивать общие начала, с которыми он связан». Главной «исторической задачей» русской мысли того времени он считал «определение типов западного и восточного, то есть тех идеалов, которые лежат в основе двух разнородных просвещений и двух разнородных историй». Вывод из его размышлений на эти темы гласил: «Разумное развитие народа есть возведение до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия»<sup>21</sup>. Тогда же, в ходе продолжающейся полемики с так называемыми «западниками», Хомяков сформулировал основной для отечественной философии истории гносеологический принцип. При изучении «данных исторических», — писал он, — «простое рассудочное понимание недостаточно». Это «возможно только для цельного разума»<sup>22</sup>.

Во втором номере «Русской беседы» Хомяков обратился к историческому опыту Англии, которому придавалось особое значение в его философии истории и который он считал во многих отношениях поучительным для России. «Англия есть естественный соперник всякого народа, имеющего притязание занять высокое место во всемирном обществе народов, — писал здесь Хомяков, — и должно признаться, что не легко достигнуть первенства перед нею; ибо вследствие разумных законов истории такое первенство только тогда может быть достигнуто, ко-

гда оно заслужено». Поэтому «наша неизбежная обязанность — познать источник сил этой страны, нашей естественной соперницы»<sup>23</sup>. Показательно, что к британскому опыту обращались в то время и другие славянофилы, стремясь лучше узнать исторического противника России<sup>24</sup>.

Вернувшись к крымской теме незадолго до своей кончины в 1860 году, Хомяков заключал: «Война — война справедливая, предпринятая нами против Турции..., — послужила нам наказанием: нечистыми руками не предоставил Бог совершить такое чистое дело»<sup>25</sup>. В этих словах подводился итог его размышлениям о значении Крымской войны в истории России. С одной стороны, здесь повторялось убеждение в справедливости войны, с другой — содержалось признание греховности своей родины, не готовой еще в силу этого к восприятию той великой всемирно-исторической миссии, которую, по убеждению русского мыслителя, рано или поздно России будет суждено осуществить.

Во многом сходные взгляды высказывал и другой крупнейший идеолог славянофильства — И. В. Киреевский. Именитый исследователь его творчества так охарактеризовал особенности его философии истории: «В то время, когда Киреевский начал вырабатывать свои философско-исторические воззрения, у нас в этой области полновластно царил шеллингизм. Его мысль естественно облеклась в форму шеллингистской схемы, основанной на идеях всемирно-исторической преемственности народов, самобытного "начала" каждой народности и пр. И вот он наполнил эту схему оригинальным содержанием»<sup>26</sup>.

В статье, опубликованной в 1852 году и занявшей важнейшее место во всем его творческом наследии, Киреевский приходил к убеждению, что, несмотря на принципиальные различия, «после совершившегося соприкосновения России и Европы уже невозможно предполагать ни развития умственной жизни в России без

отношения к Европе, ни развития умственной жизни в Европе без отношения к России»<sup>27</sup>. Сознавая противоположность духовных начал, лежащих в основе исторического развития России и Западной Европы, русский мыслитель, с другой стороны, видел неизбежность их взаимодействия, в той или иной форме, на общей арене всемирной истории. И то, что противостояние, наметившееся в духовной сфере, привело к военному конфликту, не стало для него неожиданностью.

В канун официального объявления войны западным державам, 7 марта 1854 года Киреевский записал в своем дневнике: «для всего мира, очевидно, приготовилось зрелище великих событий: война Европы с Россией, которая, если состоится и продолжится, то, по всей вероятности, и приведет с собою борьбу и спорное развитие самых основных начал образованности западно-римской и восточно-православной. Противоположная сторона двух различных основ обозначится для общего сознания и, по всей вероятности, будет началом новой эпохи развития человеческого просвещения, под знаменем христианства православного, опирающегося на возрождение племен словенских, до сих пор служивших подножием для господства племен романских и германских и теперь вступающих в ними в равные права». «Замечательно, — добавлял он, — что гораздо прежде этого вещественного столкновения государств весьма ощутительны были столкновения их нравственных и умственных противоположностей»<sup>28</sup>. Сознавая всемирно-историческое значение момента, Киреевский писал И. С. Аксакову: «Время такое необыкновенное, какое бывает только в тысячелетние переломы эпох: все времена слились: в настоящем и прошедшем не уходит, и будущее прежде прихода ощутительно. А между тем все неожиданно и удивительно. Тайна веков слышна и Провидение видимо»<sup>29</sup>.

Когда исход войны становился уже очевидным, Киреевский отмечал: «Ясно,

что не случайности, не человеческие неразумения, а сам Господь наказывает нас за наши грехи, и наказанием хочет пробудить в нас заснувшие нравственные силы»<sup>30</sup>. «Да, любезный друг, — продолжил он свою мысль в письме М. Н. Погодину, — эти страдания очистительны; эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохлись без этого потрясения до самых костей.» Но, подчеркнул русский мыслитель, тот «не знает России и не думает о ней в глубине сердца, кто не видит и не чувствует, что из нее рождается что-то великое, не бывалое в мире»<sup>31</sup>.

В разгар войны Киреевский вернулся к вечной для русской философии истории теме, отметив: «Мысль человека русского идет не немецкими путями»<sup>32</sup>. Вместе с тем один из духовных отцов славянофильства не абсолютизировал это различие, подчеркивая, что «просвещение западное только *вредною стороною своею* противно русскому православному духу, но *существенная* сторона его не только не противна духу русскому, но еще необходима для его полнейшего развития»; и что «начала русской основной образованности только потому *особенны* от западных, что они — *высшая их ступень*, а не потому, что были совершенно *иные*». Однако, предупреждал он, «русская особенность может быть задушена западным просвещением, если ей не дадут развиваться вовремя, прежде чем ложное направление Запада возьмет совершенно верх над русскою особенностью в России»<sup>33</sup>.

Эта тема получила развитие в основном философском труде Киреевского, опубликованном посмертно в последний год Крымской войны и имеющем особое значение для понимания его философии истории. Все «внимание людей мыслящих поглощается теперь вопросами политическими», признавал русский мыслитель, поэтому для «отвлеченного, систематического мышления нет места в тесноте громадных общественных событий, проникнутых всемирною значительностью и сменяющихся одно другим с бы-

стротою театральных декораций». Однако, указывал он, каждое «явление в общественной жизни ...ложится в уме человека далее пределов своей видимой сферы и, связываясь с вопросами общечеловеческими, принимает рационально-философское значение. Самая всемирность событий общественных помогает такому направлению ума. Интерес простыл к школьному построению систем; но тем с большим усилием стремится каждый образованный человек протянуть руководительную нить своей отвлеченной мысли сквозь все лабиринты общественной жизни»<sup>34</sup>.

В противовес утвердившемуся на Западе рационализму русский мыслитель выдвигал иной идеал познания: «Совокупление всех познавательных способностей в одну силу, внутренняя цельность ума, необходимая для сознания цельной истины». Истина едина, утверждал он, «и стремление к сознанию этого единства есть постоянный закон и основное побуждение разумной деятельности»<sup>35</sup>. Вступая с этих позиций в скрытую полемику с Гегелем, Киреевский утверждал в своей статье: «Нет ничего легче, как представить каждый факт действительности в виде неминуемого результата высших законов разумной необходимости; но ничто не искажает так настоящего понимания истории, как эти мнимые законы разумной необходимости, которые в самом деле суть только законы разумной возможности». «Конечно, — соглашался он, — каждая минута в истории человечества есть прямое последствие прошедшей и рождает грядущую. Но одна из стихий этих минут есть свободная воля человека. Не хотеть ее видеть — значит хотеть себя обманывать и заменять внешнею стройностью понятий действительное сознание живой истины»<sup>36</sup>. Здесь с особой наглядностью выразились основные отличительные черты формирующейся национальной традиции в области философии истории: провозглашалась верность восходящему к античности идеалу цельного

знания, с одной стороны, и проявлялось выработанное тысячелетними усилиями человеческой мысли стремление к непосредственному познанию, с другой.

От критики господствующей на Западе философии истории Киреевский переходил к характеристике современной ему западной действительности. Там, по его убеждению, единственное, что «осталось серьезное для человека, — это промышленность», которая «управляет миром без веры и поэзии». Промышленность, продолжал Киреевский, «движет народами, она объявляет войну, заключает мир, изменяет нравы». А потому: «Бескорыстная деятельность сделалась невероятною». И это неограниченное «господство промышленности и последней эпохи философии... только начинается. Рука об руку одна с другой им следует еще пройти весь круг нового развития европейской жизни»<sup>37</sup>.

Особое место в русской философии истории эпохи Крымской войны занимают взгляды представителей семейства Аксаковых. Глава прославленного литературного клана уже в самом начале 1854 года считал «всеобщую войну» неизбежной, однако его суждения не отличались реализмом. «Политический горизонт становится час от часу мрачнее, и грозных туч накапливается больше, — писал С. Т. Аксаков младшему сыну в феврале 1854 года — Меня не покидает убеждение, что из этой страшной войны Россия выйдет торжествующей». И, — продолжал он, — если «только государь скажет: все против нас, против православной веры нашей... — такие чудеса понаделаются, каких история еще не видела». С. Т. Аксаков подчеркивал: «в 1812 году дух мой не был так взволнован, как нынче, да и вопрос не был так значителен»<sup>38</sup>. А вопрос «предлагается следующий, — пояснял он: — взойти ли России на высшую ступень силу и славы или со стыдом и смирением сойти с того высокого пьедестала, на котором она стоит теперь»<sup>39</sup>. Манифест Николая I от

---

9/21 февраля 1854 года о разрыве дипотношений с Англией и Францией не мог удовлетворить столь высокие ожидания: «не такого манифеста мы желали и надеялись, — жаловался С. Т. Аксаков; — не оборонительной войны мы желаем». Поэтому теперь всю «надежду надобно возложить на бога, волею которого движутся исторические события. Может быть, — соглашался он, — нужно временное унижение для того, чтобы с большим блеском явилось наше торжество»<sup>40</sup>.

Оригинальный мыслитель и талантливый поэт К. С. Аксаков откликнулся на начало войны стихотворением «Орел России», имевшим знаменательный подзаголовок: «1453–1853», в котором проводилась мысль об исторической обоснованности притязаний России на Константинополь<sup>41</sup>. «В настоящее время всеобщего испытания народов», — писал он в разгар Крымской войны, — «внимание всякого русского устремлено более, чем когда-нибудь, на внутренний смысл, на основы бытия России. Меня это внимание, постоянное и прежде, привело к убеждениям, выяснившимся в настоящую минуту более, чем когда-нибудь. Строгое время, в которое мы живем, требует откровенного слова»<sup>42</sup>.

В своей известной записке, представленной в 1855 году новому императору, К. С. Аксаков выразил свой взгляд на положение России относительно ее противников. «Но посмотрите на Запад, — предлагал он. — Народы, оставив там внутренний путь веры и духа, увлеклись тщеславием и побуждениями народного властолюбия... развили в себе гордость и тщеславие власти мира сего, — обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясениям каждую минуту»<sup>43</sup>. Это обстоятельство, по его убеждению, открывало перед его родиной широкие исторические перспективы. Но для «того, чтобы Россия исполнила свое на-

значение, нужно, чтобы она поступала не по чуждым ей теориям, заемным или доморощенным теориям, часто обращаемым историей в смех, а по своим собственным понятиям и требованиям». Поэтому необходимо было «понять дух России и стать на русские начала, отвергнутые со времени Петра». Следовало «*понять Россию* и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом». Надо было, заключал К. С. Аксаков, «оставить противоестественный образ действий и возвратиться к образу действий, согласному с понятиями, с существом России»<sup>44</sup>.

В заметке «О русском воззрении» К. С. Аксаков писал: «Дело человечества совершается народностями, которые не только оттого не исчезают и не теряются, но, проникаясь общим содержанием, возвышаются и светлеют и оправдываются как народности. Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества». К. С. Аксаков был убежден, что русский «народ имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не чрез посредство и не с позволения Западной Европы»<sup>45</sup>. Возвращаясь к теме в следующем номере, он указывал, что «спор о народности воззрения был бы непонятен ни для француза, ни для немца, ни для англичанина (для англичанина всего менее). У этих народов народность действует постоянно, чувство ее живо, мысль вытекает прямо из нее и стремится к общечеловеческому». Это «общечеловеческое» само по себе не существует, подчеркивал русский мыслитель, и чтобы «понять общечеловеческое, нужно быть *собою*, надо *иметь свое мнение*, надо мыслить *самому*». Отдельный народ «имеет право быть *собою* и иметь свою деятельность». И эта деятельность «должна быть *самостоятельна*». Поскольку каждый народ «и в своей исключительности является двигателем человеческого хода; тут объясняет он себя как одного из всемирных деятелей истории»<sup>46</sup>.

Очередная статья К. С. Аксакова, в которой тема национальной самобытности России получила дальнейшее развитие, появилась в первом номере «Русской беседы» за 1857 год. «Отвлеченность, неестественность всего строя общественной иностранно поставленной жизни нашей более или менее почувствовалась; пробудилась мысль о русской самостоятельности, и все, что мыслит в России, задумалось», — констатировал он. «Мы стали понимать, что нам необходимо, конечно, принимать от соседей наших дельные сведения и науки... но что это заимствование может быть полезно только при своей самостоятельной умственной жизни; а догадливое перенимание чужих мыслей не есть еще самобытная деятельность ума». «Мы заметили, что жили чужим заемным умом, и догадались, что это не жизнь». Благодаря этому «возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, в нас пробудилась». Все «внимание наше обратилось ко всем проявлениям русской жизни, к древней истории, к обычаям народным, к устройству народной общественности, к языку, ко всему, в чем высказывается Русь». Таким образом поднят был «огромный вопрос для русских людей, вопрос: *быть или не быть?*»<sup>47</sup> «Самобытное мышление, сознание самих себя, сознание русского начала жизни, выразившееся в народности, в общественной, в истории, в языке и т. д., сознание, достигаемое изучением нашего прошедшего вообще и настоящего в простом народе, — вот наше дело; оно пробуждает в нас русского человека, так долго спавшего», — заключал К. С. Аксаков<sup>48</sup>.

Следующим этапом в его творческой биографии стало издание газеты «Молва», на страницах которой философско-исторической проблематике также уделялось немалое внимание. Центральный тезис публицистики К. С. Аксакова, отмечал авторитетный исследователь его творчества, наиболее четко сформулированный в передовых статьях «Молвы»,

заключался в том, что основным противником России — «Западная Европа с ее буржуазным, эгоистическим, меркантильным строем общественной жизни, с ее деформированной нравственностью и рассудочной культурой, неприменимой к вековым нормам русской жизни»<sup>49</sup>. В номере от 13 июля 1857 года К. С. Аксаков, имея в виду послекрымскую ситуацию, прежде всего указывал: «история не стоит; настоящая минута не есть приговор навсегда». Да, «история жива, — подчеркивал он, — а потому жива и надежда на будущее. Мысль народности пробудилась сильно в России, освобождая ее от нравственного ига Западной Европы»<sup>50</sup>.

Под непосредственным впечатлением Крымской войны К. С. Аксаков, в числе первых русских мыслителей, обратился к проблеме смысла войны вообще, которой была посвящена передовая «Молвы» от 9 августа 1857 года. «Война часто является необходимостью и даже долгом для государства, — признавал он. — Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо». «Война, взаимное истребление людей, есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния, — заключал К. С. Аксаков. — Но человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна. Пусть, вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, — война заставляет их короче узнать и самих себя, и друг друга»<sup>51</sup>. Таким образом, в русской общественной мысли закладывалась традиция философско-исторического осмысления феномена войны, продолженная затем В. С. Соловьевым и мыслителями Серебряного века.

Тогда же, в ходе полемики с С. М. Соловьевым, К. С. Аксаков изложил свой подход к постижению истории. «Основанием для понимания истории, — утверждал он, — должна быть, с одной сто-

роны, идея общей истины, ибо всякая история представляет такое или иное к ней отношение, с другой — начало (принцип) народное, проникающее всю историю, — а не преемство исторических явлений или форм»<sup>52</sup>. В этих словах выражались убеждения, ставшие общими для вступающей в пору зрелости отечественной философии истории.

Третий представитель известной литературной семьи, И. С. Аксаков, во многом расходился во взглядах как со своим знаменитым отцом, так и со старшим братом. Его восприятие событий Крымской войны и ее оценка отличались, пожалуй, наибольшей оригинальностью. Уже в конце 1853 года он отмечал: «события столпились, теснят и давят друг друга; отовсюду надвигаются тучи; в воздухе веет грозой!». Но, предупреждал И. С. Аксаков, что бы не произошло, «все будет не так именно, как мы предполагаем». «Вообще ответы исторические редко приходят с вывескою: "я — дескать ответ"», — указывал он. «Ответ начался давно, но пройдет через множество непредусмотренных, непредугаданных фазисов. Чудная вещь История!» «Нам всегда хочется пощупать историческое событие, — продолжал И. С. Аксаков, — но оно, проходя сквозь нашу будничную жизнь, редко является нам в полной грандиозности, какою облечется для потомков». Впрочем, добавлял он, «с 1848 года История стала совершаться как-то воочию, — и пульс исторический бьется осязательно, слышимо для всех, сквозь всю нашу пошлую ежедневность». Несколько неожиданным может показаться вывод из этих рассуждений: «Я доволен 1853 годом и по многим нравственным результатам для себя, а для общественной жизни по выдвинутому им вопросам, хотя бы по Турецкому!»<sup>53</sup>.

Подобно своим единомышленникам, И. С. Аксаков выразил первые впечатления о начавшейся войне в стихотворной форме («На Дунай!», апрель 1854 года): «На Дунай! туда, где новой славы, / Славы чистой светит нам звезда, / Где на пир

мы позваны кровавый, / Где, на спор взирая величавый, / Целый мир ждет Божьего суда!» Ему грезилось, что наступает «Чудный миг! миг строгий и суровый!» И что «в бою сшибаясь роковым», «Старый мир об мир крушится новый, / Ходят тени вещи кругом. // И века над ратными полками / Грозными виденьями встают, / Мрачными глядят на них очами, / Держат свитки длинные руками, — / К страшному ответу их зовут»<sup>54</sup>.

Однако очень скоро тональность высказываний И. С. Аксакова заметно изменилась. 21 августа 1854 года он писал родителям: «Какая странная война! — Я ничего уже от нее не ожидаю». Месяц спустя И. С. Аксаков отмечал: «Вообще восторги, возбужденные войною в начале, простыли, участие ослабело и сменяется каким-то равнодушием, каким-то апатичным упованием на милость Божию». В начале ноября его пессимизм достигает апогея: «Страшная борьба! На их стороне наука, искусство, талант, храбрость, все матерьяльные средства; на нашей — только правота дела и личное мужество войск; остального ничего нет»<sup>55</sup>.

Подъем общественной активности, начавшийся в последний период Крымской войны, оказал на И. С. Аксакова сильное влияние. 18 февраля 1855 года он записался офицером в московское ополчение<sup>56</sup>. Несколько дней спустя, откликаясь на смерть Николая I, новобранец писал: «В России каждое царствование есть эпоха, запечатлеваемая личностью самодержца. Но проживая эпоху ежедневно, почти не слышишь хода дней, не ощутительны постепенные изменения, развитие и рост брошенного в историческую почву семени. Теперь же, когда обе эпохи втеснились в одну минуту, когда видимо, осязательно, одна смещает другую, — живешь и сам исторически, живешь всенародною жизнью. Возникает новая эра государственного бытия, начинается новая эра и для нравственно-обществен-

ного существования каждого русского», — полагал он<sup>57</sup>.

В письме родителям от 8 апреля 1855 года И. С. Аксаков выразил убеждение, что наступившая «эпоха велика, несмотря на всю мелочность современного человечества, на всю глупость человеческих деяний; эпоха велика, полна будущего, являет борьбу мира древнего и нового»<sup>58</sup>. Но какими «тяжкими испытаниями ведет Бог Россию к самосознанию, к уразумению источника бед и зол, ее терзающих!» — писал он в январе 1856 года. Продолжая тему осенью того же года, уже после подписания мира, И. С. Аксаков заключал: «Странная земля эта Россия! Несмотря ни на что она совершает заколдованный круг своего развития под влиянием и давлением Европы. И мы сами, — признавал он, — поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией». Особенно теперь, «вследствие сближения, произведенного войною», следовало ожидать, что «совершенное смешение России с Европой, объевропеит Россию сильнее прежнего». И эта угроза обозначилась именно в тот момент, подчеркивал он, «когда после потрясений войны, при новой правительственной эпохе, все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих»<sup>59</sup>.

В годы Крымской войны И. С. Аксаков окончательно разочаровался в Древней Руси, которая «не выработала... и не хранит в себе начал, способных возродить Россию к новой жизни»<sup>60</sup>. Осенью 1856 года он призывал брата: «не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать, к до-Петровской Руси, к обрядовому православию». По убеждению И. С. Аксакова, сочувствовать можно было не этой воображаемой Руси, а «только началом..., проявленным русским народом». По его мнению, «поклонение до-

Петровской Руси и слово "православие" возбуждают недоразумение, мешающее распространению истины». И, в заключение: «право мы стоим того, чтобы Бог открыл истину православия Западу, а Восточный мир, не давший плода, бросил в огонь!»<sup>61</sup>.

И. С. Аксаков, в отличие от своих старших единомышленников, пережил эпоху Крымской войны и впоследствии не раз возвращался к оценке ее исторического значения. В момент очередного кризиса, порожденного Польским восстанием 1863 года, на страницах своей газеты «День» он подчеркивал: «после урока, заданного нам Восточною войною, мы должны наконец сознать лежащую на нас историческую повинность и нести ее с полною гражданскою добросовестностью». Это становилось тем более необходимым, что в новых исторических условиях нельзя уже было «довольствоваться простодушным "патриотизмом" 1853 года»<sup>62</sup>. К крымской теме И. С. Аксаков возвратился и в тот момент, когда произошло новое обострение вечного для России Восточного вопроса. Выступая 24 октября 1876 года в Московском Славянском благотворительном комитете, он с тревогой напоминал: «Крымская война, возникшая также из-за Восточного... вопроса, вызвав могучий взрыв "патриотизма", не пробудила однако же исторического самосознания в тех народных слоях, где сидят самые корни русской силы, духовной и внешней»<sup>63</sup>.

«Надобно, впрочем, сознаться, — пояснял И. С. Аксаков в своей биографии Ф. И. Тютчева, впервые опубликованной в 1874 году, — что Россия приняла посланное ей испытание со смирением, не поскупилась на самоосуждение, и поражение свое обратила себе не только во благо, но и во славу». Поэтому «не прошло десяти лет после окончания борьбы, как значение России возросло с новой, небывалой силой». Россия с «заключением Парижского мира и с воцарением но-

вого Государя» «вступила в новый период бытия», когда долго сдерживаемая мысль «торопилась высказаться и, высказавшись, спешила перейти к делу»<sup>64</sup>. Россия, отмечал он в 1860 году, сумела сохранить свое «значение на Востоке, выдержавшее даже испытание войны 1855 года»<sup>65</sup>.

Вернувшись после долгого перерыва к издательской деятельности, И. С. Аксаков продолжал обращаться к урокам пережитой им в молодости войны. 18 декабря 1882 года он указывал в своей новой газете «Русь», что «нравственное действие Парижского трактата было совершенно иное чем трактата Берлинского; оно не только не уронило дух в Русской земле, но напротив, как бы окрылило его новою силою бодрой веры в призвание и назначение России»<sup>66</sup>. Год спустя И. С. Аксаков повторял: «Тяжелое впечатление Парижского трактата мигом потонуло в новом подъеме духа»<sup>67</sup>. На основании этого в номере от 1 мая 1883 года делался вывод: «Непреложен ход истории, как бы не старались его задерживать Парижскими и Берлинскими трактатами»<sup>68</sup>. Что же касалось трагических неудач, то, писал он 19 октября 1885 года, они объяснялись неспособностью понять «ту историческую идею..., которая нас от времени до времени подмывает, движет и несет. Именно тем и объясняются все неудовлетворительные результаты наших так называемых Восточных войн и странные промахи нашей дипломатии, что идея-то эта нами недостаточно признана»<sup>69</sup>.

Усилившееся стремление к поиску самобытной русской идеи стало одним из важнейших следствий Крымской войны. Серьезные надежды в этом смысле славянофилы возлагали на «Русскую беседу», на страницах которой они стремились придать своим «идеям» доступные пониманию широких кругов формы. Первая книга журнала открывалась статьей Ю. Ф. Самарина, в которой он в форме отвлеченных философских рассуждений о действии исторических законов пытался

сформулировать идею мессианской роли России в разрешении острейших проблем, стоявших перед человечеством<sup>70</sup>. Рецепт решения всемирно-исторических проблем был для него достаточно простым: «В ответ на мировой запрос история не приносит логические формулы, а выводит на сцену нового деятеля, живой быт свежего народа»<sup>71</sup>. Самарин выражал здесь общее убеждение русской философии истории, окончательно утвердившееся в годы Крымской войны, в том, что всемирную историю движут вперед «исторические» народы, и что подходил черед выхода на мировую арену русского народа.

Осенью 1856 года, в записке «О крепостном состоянии и переходе от него к гражданской свободе», Ю. Ф. Самарин так оценивал итоги Крымской войны: «Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием». Поэтому теперь «мы должны обратиться на себя самих, исследовать коренные причины нашей слабости, выслушать правдивое выражение наших внутренних потребностей и посвятить все наше внимание и все средства их удовлетворению. Не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, — а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме европейских держав; ибо внешняя сила и политическое значение государства зависят... более всего от цельности и крепости общественного организма»<sup>72</sup>.

Немалый интерес представляют также глубокие суждения Самарина об особенностях формирования исторического самосознания в русском обществе. В статье, опубликованной в первом номере «Русской беседы» за 1857 год, он писал: «Историческая наука зачалась в России вслед за переворотом, перервавшим у нас живую нить исторического предания. Оттого наука явилась не как плод созревшего народного самосознания, а как попытка со стороны *цивилизованного общества*, оторвавшегося от народной почвы, восстано-

вить в себе утраченное самосознание, придти в себя.

У других народов идея истории представлялась как своя история; форма и содержание зарождались нераздельно в живом народном самосознании; у нас же возникла сперва чисто-формальная потребность в истории». Нам «пришлось задать себе вопрос: чего нам искать в своем прошлом и какую бы нам сочинить для себя историю?

Перед нами лежала разработанная, разъясненная история других народов, как бы готовая формула исповеди, и мы приняли ее и начали повторять от себя»<sup>73</sup>. В другой своей статье Самарин отмечал: «внутреннее *расположение* к общению с остальным человечеством развивается в народе вследствие и в меру духовного его просвещения». Но «осуществление общения на практике для *известного* народа и в *известную* эпоху зависит от всей его исторической обстановки, определяющей те условия, на которых сближение с другими народами для него возможно»<sup>74</sup>.

Период Крымской войны стал важнейшим этапом в становлении русской философии истории, высшей формой выражения которой в те годы была философия истории славянофилов. Русские мыслители этого направления окончательно убедились тогда в самобытности России и ее истории. Став свидетелями непосред-

ственного столкновения России с Западом, они утвердились в мысли о противоположности путей их исторического развития. Однако в то же самое время крепло и их убеждение в том, что различия двух исторических миров нельзя абсолютизировать, что России и Западу предстояло вместе решать проблемы, поставленные на очередь дня ходом всемирно-исторического развития, и что поэтому им предстояло взаимодействовать в процессе разрешения этих проблем. Война способствовала национальному отрезвлению и окончательному избавлению от иллюзий 1848 года, благодаря чему отечественная философия истории приобрела зрелый и, по ряду основополагающих параметров, заверченный характер, образовав прочный фундамент для последующего развития этой формы познания в России. Период осмысления итогов Крымской войны стал также важнейшим этапом в истории развития «русской идеи», когда в литературе впервые появилось само это понятие. Крымская война, воспринимавшаяся как всемирно-историческая драма и действительно ставшая этапным событием в мировой истории, явилась важнейшей вехой и в духовном развитии России, оставив глубокий след в ее философии истории.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Из писем Ф. И. Тютчева во время Крымской войны // Русский архив. 1899. Вып. 3. С. 518.

<sup>2</sup> Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 2; 231.

<sup>3</sup> Степун Ф. А. Прошлое и будущее славянофильства // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 835.

<sup>4</sup> Троицкий В. Ю., Лебедев Е. Н. Поэзия славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978. С. 323.

<sup>5</sup> Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 144; 146.

<sup>6</sup> Хомяков А. С. «Семирамида» // Хомяков А. С.: Сочинения. Т. 1. М., 1994. С. 444.

<sup>7</sup> Хомяков А. С. Вместо введения к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единоверных и единоплеменных» // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1861. С. 452–454.

<sup>8</sup> Завитневич В. В. Алексей Степанович Хомяков. Т. 1. Киев, 1902. С. 818–819.

<sup>9</sup> Хомяков А. С. Письмо к приятелю-иностранцу, перед началом последней Восточной войны // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. I. С. 495–496.

<sup>10</sup> Там же. С. 498, 502. См. также: Письмо Пальмеру, 9 марта 1854 // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. II. Прага, 1867. С. 368.

- 
- <sup>11</sup> Хомяков А. С. Письмо к приятелю-иностранцу. С. 500, 512.
- <sup>12</sup> Там же. С. 507.
- <sup>13</sup> Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. II. Прага, 1867. С. 85.
- <sup>14</sup> Там же. С. 138–139; 142.
- <sup>15</sup> Троицкий В. Ю., Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 304.
- <sup>16</sup> Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. IV. М. 1900. С. 255–257. См. также: Тарле Е. В. Крымская война. М. 1950. Т. I. С. 449–450.
- <sup>17</sup> См.: Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков. М., 1897. С. 55–56.
- <sup>18</sup> Хомяковский сборник. Томск, 1998. С. 69.
- <sup>19</sup> Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 68.
- <sup>20</sup> Хомяков А. С. Предисловие к «Русской беседе» // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1861. С. 515–516.
- <sup>21</sup> Хомяков А. С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и анти-историческое направление» // Русская беседа. 1857. Кн. 7. Отд. III. С. 141–142, 144, 158.
- <sup>22</sup> Хомяков А. С. О последней статье г. Чичерина в «Русском вестнике» // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. I. С. 611.
- <sup>23</sup> Хомяков А. С. Предисловие и послесловие к биографии лорда Меткальфа // Там же. С. 549–550, 554. См. также: Хомяков А. С. Заметка об Англии и английском воспитании // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 38–39.
- <sup>24</sup> См., в частности: Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М. 1995. С. 394–395, 474; Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. I. М., 1877. С. 144, 227–229, 242.
- <sup>25</sup> Хомяков А. С. К сербам // Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 345.
- <sup>26</sup> Гершензон М. О. Учение о личности (И.В.Киреевский) // Гершензон М. О. Исторические записки. М., 1910. С. 34–36. См. также: Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 320–323; 339–342.
- <sup>27</sup> Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 255.
- <sup>28</sup> Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 286–287. См. также: Манн Ю. В. Эстетическая эволюция И.Киреевского // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 37.
- <sup>29</sup> И. В. Киреевский — И. С. Аксакову. 8 апреля 1854 // Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 327.
- <sup>30</sup> И.В.Киреевский — А.И.Кошелеву. 17 июня 1855 // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. II. С. 284.
- <sup>31</sup> Киреевский И. В. Последний день 1855 года (Письмо М.Н.Погодину) // Там же. Т. I. С. 81.
- <sup>32</sup> И. В. Киреевский — К. С. Аксакову. 1 июня 1855 // Там же. С. 77.
- <sup>33</sup> И. В. Киреевский — А. И. Кошелеву. 17 ноября 1855 // Там же. Т. II. С. 287–288.
- <sup>34</sup> Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 293–295.
- <sup>35</sup> Там же. С. 300; 317.
- <sup>36</sup> Там же. С. 313–314; 420.
- <sup>37</sup> Там же. С. 315.
- <sup>38</sup> С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову. 1 февраля 1854 // Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. Т. I. С. 450–451.
- <sup>39</sup> С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову. 8 февраля 1854 // Там же. С. 451.
- <sup>40</sup> С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову. 15 февраля 1854 // Там же.
- <sup>41</sup> См.: Ковалева И. Н. Славянофилы и западники в период Крымской войны (1853–1856) // Исторические записки. Т. 80. М., 1967. С. 184; Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. Т. I. С. 450; Троицкий В. Ю., Лебедев Е. Н. Поэзия славянофилов. С. 326.
- <sup>42</sup> См.: Цимбаев Н. И. Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1972. № 2. С. 53.
- <sup>43</sup> Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Теория государства у славянофилов. СПб., 1898. С. 31.
- <sup>44</sup> Там же. С. 25, 38, 41.

- <sup>45</sup> Аксаков К. С. О русском воззрении // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 316.
- <sup>46</sup> Аксаков К. С. Еще несколько слов о русском воззрении // Там же. С. 318–323.
- <sup>47</sup> Аксаков К. С. Обзорение современной литературы // Там же. С. 327–328.
- <sup>48</sup> Там же. С. 361.
- <sup>49</sup> Кошелев В. А. «Не право о вещах те думают, Аксаков ...» // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 35–36.
- <sup>50</sup> Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. С. 384–385.
- <sup>51</sup> Там же. С. 389.
- <sup>52</sup> Аксаков К. С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и анти-историческое направление» // Русская беседа. 1857. Кн. 7. Отд. III. С. 105.
- <sup>53</sup> И. С. Аксаков — А. И. Кошелеву. 25 декабря 1853 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3.С. XX–XXI, XXIV.
- <sup>54</sup> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 100 Прил. См. также: Троицкий В. Ю., Лебедев Е. Н. Указ. соч. С. 325.
- <sup>55</sup> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 61, 76, 100.
- <sup>56</sup> Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 52, 54.
- <sup>57</sup> И. С. Аксаков — Д. А. Оболенскому. 24 февраля 1855 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 105.
- <sup>58</sup> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 116.
- <sup>59</sup> Там же. С. 229, 286, 306.
- <sup>60</sup> См.: Цимбаев Н. И. Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России». С. 56–57.
- <sup>61</sup> И. С. Аксаков — К. С. Аксакову. 17 сентября 1856 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 281–282.
- <sup>62</sup> Аксаков И. С. Как России готовиться к войне // Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. 2. С. 137.
- <sup>63</sup> Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 1. С. 219.
- <sup>64</sup> Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 234, 265.
- <sup>65</sup> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С. 483.
- <sup>66</sup> Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 1. С. 531.
- <sup>67</sup> Аксаков И. С. Повернула ли Россия от фразы к делу // Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. Т. 2. С. 759.
- <sup>68</sup> Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 1. С. 534.
- <sup>69</sup> Там же. С. 674.
- <sup>70</sup> См.: Старикова Е. В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978. С. 144, 148.
- <sup>71</sup> Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 1. С. 118.
- <sup>72</sup> См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 199.
- <sup>73</sup> Самарин Ю. Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 1. С. 197-198.
- <sup>74</sup> Самарин Ю. Ф. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и анти-историческое направление» // Русская беседа. 1857. Кн. 7. Отд. III. С. 91.

V. Noskov

#### THE CRIMEAN WAR AND THE DEVELOPMENT OF SLAVOPHILE PHILOSOPHY OF HISTORY

*The subject of this article is the impact of the Crimean war on the development of Russian philosophy of history. The investigation of this problem is intended as a case study of how the war situation stimulated the remarkable changes in the philosophy of history of the so called Slavophiles, whose views dominated the spiritual atmosphere in the middle XIX-th century Russia. This period witnessed numerous changes in international politics as well as in the system of national ideals, which always were closely interconnected and interdependent. The main purpose of the article is to trace historically the evolution of the most influen-*

---

*tal Slavophiles' views in the field of philosophy of history. An attention is paid primarily to the writings of the founders of Slavophilism – Alexsei Khomiakov, Ivan Kireevsky, Konstantin and Ivan Aksakov. The results of this study serve a good illustration to the conclusion, made by the Russian thinker Nicolai Berdyaev, that at the crisis moments of history an interest to philosophy of history arises greatly.*